

СЛУЧАЙНОСТИ В ЕГО СУДЬБЕ

Писатель Андрей Битов во многих своих произведениях касается «пушкинской темы», представляя читателям оригинальную и, как водится, не бесспорную трактовку событий жизни, особенностей личности и творчества А. С. Пушкина.

— Андрей Георгиевич, для нас бесспорно, что Пушкин принадлежит не только русской, но и мировой культуре. А как воспринимают его за рубежом? Спрашиваю об этом вас не только как пушкиниста, но и как члена общества европейских интеллигентов «Гулливер».

— Для всего человечества общепризнан факт, что Пушкин стоит в ряду гениев мировой культуры — таких, как Шекспир, Гете...

Зарубежные мои коллеги воспринимают Пушкина прежде всего как россиянина, открывающего миру Россию и ее людей. С ними нельзя не согласиться, но сами мы еще недостаточно постигли степень и глубину его знаний о нашем народе. Впрочем, до конца и не постигнем, ибо Пушкин — неисчерпаем...

Я не раз задавался вопросом — полшутливо, полсерьезно — а как бы Пушкин встретился с Европой воочию? Вы ведь знаете — он был, выражаясь современным языком, «невъездной»! Первый в стране «невъездной». Он буквально рвался за границу, но каждый раз получал отказ. Я подсчитал, сколько раз это было. Получилось, не меньше дюжины. Самой дальней «заграницей» для Александра Сергеевича была Грузия. Куда, впрочем, он тоже попал без разрешения, за что впоследствии получил выговор от властей. Правда, как внутренне свободная личность, он ответил не извинением, а тем, что снова попросился за границу — в Париж. Получил отказ. Попросился... в Полтаву, но его не пустили и в Полтаву. Автора поэмы «Полтава»!

Он так и не увидел Парижа, Рима, Мадрида... И какую-то неловкость, обиду чувствую, когда задумываюсь об этом. Как-то разговорился на эту тему с режиссером Резо Габриадзе. Резо в то время начал увлекаться рисунком, и у него стал великолепно получаться Пушкин. Ну я и сказал ему: «Рисуи Пушкина и дальше, раз у тебя так хорошо получается». Через какое-то время он показал мне привезенные из своих заграничных путешествий рисунки. И мы стали думать: что с ними делать? Кончилось тем, что решили сделать серию книжек «Пушкин за границей».

Первый выпуск назвали «Пушкин в Испании». Книга вышла в Париже в издательстве «Синтаксис» тиражом... сто экземпляров. Хорошая получилась книжка. «Переводить ее не надо, любая читатель и так все поймет. Там нарисован Пушкин, который скачет на лошади по дорогам Испании, нюхает в мадридском саду розы. Встречается с Гоголем... Там же он встретил Мериме и сделал вид, что не узнал, потому что они «не поделили» «Песни западных славян»... Кстати, увидев своими глазами реку Гвадалквивир, я поразился, какая она узенькая. Ведь все мы знаем ее по великолепному стихотворению «Шумит, бежит Гвадалквивир». Поэтому в нашей книге Пушкин, нисколько не смущаясь, легко перепрыгивает эту реку.

В другой книге мы с Резо отправляем Александра Сергеевича в Париж, куда он хотел и просился всегда. Для того что-

бы его «провести» по Парижу, нам понадобился Александр Дюма. По моему мнению, они вполне могли стать друзьями, потому что мы любим обоих. И у них обоих предки — негры. И еще: Дюма побывал в России, и они более или менее одного поколения. И оба гениальны. И вот эти, по меркам XIX века, уже старики — за 60 лет — замечательно проводят время в Париже, хвастаясь друг другу подвигами своих черных предков и некоторыми другими романтическими похождениями...

— Серия «Пушкин за границей» будет издана у нас?

— Будет, наверное. Уже подготовлено пять книг. Но сначала издательство «Книга» планирует выпустить «Вычитание зайца». В этой книге собрано около 300 рисунков Резо Габриадзе и мой текст. Это история о том, как заяц перебежал дорогу Пушкину, рассказанная шесть раз в разных жанрах. А случилось это, когда он уезжал из Михайловского, чтобы участвовать в восстании декабристов. Человек суеверный, Александр Сергеевич повернул назад и тем самым, вероятно, спас себя от Сибири, а для нас сохранил поэта еще на 12 лет. Кстати, об этом он сам думал в воображаемом разговоре с царем. Он понимал, что в Сибири и после нее был бы совсем другой Пушкин. Я хотел бы, чтобы на дороге из Михайловского в Тригорское соорудили памятник зайцу...

— Я знаю вашу неожиданную интерпретацию дуэли Пушкина с Дантесом. Вы действительно считаете, что смертельным выстрел оказался случайно?

— Собственно, это не совсем моя интерпретация. Она существует давно, а я склонен разделить такой взгляд на события. Думаю, между Пушкиным и Дантесом не было безвыходных про-

тиворечий и кровавой ненависти. Все-таки они были родственниками, людьми одного круга — с этим надо считаться. Но конфликт как-то надо было разрешить, поставить точку. Вероятнее всего, они намеревались обменяться выстрелами, которые должны были их лишь легко ранить. Но произошло скорее всего вот что.

Когда до выстрела оставались мгновения, у Пушкина, считавшего происходящее чем-то вроде спектакля, сделалось «страшное» лицо. Думаю, Дантес дрогнул от этого зрелища, и пуля попала не в руку или ногу «противника», а в живот. Обратите внимание: по словам очевидцев, у Александра Сергеевича сразу же на лице появилось совсем другое выражение, скорее недоуменное — мол, зачем ты это сделал, мы же так не договаривались... Почему я склонен доверять этой версии? Потому что у Пушкина случались и другие дуэльные игры. Например, как-то в Грузии он оказался в компании, где двое резко и весьма принципиально поспорили из-за дамы. На дуэли их попробовали примирить, но это оказалось невозможным. Тогда Пушкин разыграл тут же сочиненную им пьесу: он подчеркнуто тщательно проверял пистолеты, сам измерял дистанцию, пунктуально напоминал правила дуэли... Стреляются, как известно, по счету три. И вот когда он сказал: «Раз, два...» — из-за кустов грянула музыка оркестра, кто-то открыл шампанское и... враги помирились.

Впрочем, от судьбы еще никто не уходил.

Интервью взяла Е. ДРУЖИНИНА.

Труш. - 1990. - 6 июня